

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРТА КАУЦ

18+

ЖИЗНЬ СО ВКУСОМ

Moët

ЕЁ ЛЮБИМАЯ ПОЗА - ЖЕНЩИНА СЗАДИ

Марта Кауц

Жизнь со вкусом Моёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48586054

SelfPub; 2022

Аннотация

Ее любимая поза – женщина сзади. Москва, наши дни. Город тщеславия и пороков, хищных женщин и состоятельных мужчин. Красивая жизнь совсем рядом, только протяни руку. Погрязшая в серых буднях Венера, няня из детского сада, мечтает о новой, лучшей жизни. Она знакомится с эскортницей Оксаной, которая уверена, что любовь – это сказка для бедных и нужно самой диктовать мужчинам правила игры. Хотите получить рецепт сладкой жизни? Тогда будьте готовы обнаружить, что на вашей кухне к батарее прикован личный раб. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марта Кауц

Жизнь со вкусом Моёт

Глава 1

Не зря говорят, что количество невымытой посуды в мойке ограничивается лишь высотой крана. Потыкав свою кружку так и этак, я осознала, что это бесполезно. Мои надежды её помыть потерпели полный крах. Пирамида из грязных тарелок с засохшими остатками еды, липкие чашки и жирные кастрюли полностью перекрывали доступ к крану.

Шаркая по облезлому линолеуму засаленными тапками, в кухню вошёл хозяин квартиры. По квартире Андрей ходил исключительно в семейниках и застиранной майке.

– О, Веник, ты сегодня позднее, – сказал он, плюхаясь на стул.

– Проспала немного, книжкой вчера зачиталась, – крикнула я уже из ванной, домывая кружку в раковине. Просить его не называть меня Веником было бесполезно.

– Вот смотрю я на тебя и думаю: странная ты баба, нехозяйственная.

– Ты это сейчас о чём? – искренне не понимала я, наливая себе кофе. Стараясь предугадать изменчивую московскую погоду, я вглядывалась в окно. Надо на всякий случай

кинуть в сумочку зонт.

– Я о том, что посуду ты не моешь, жарчку нормальную не готовишь, тебя же никто замуж не возьмёт! Могла б и супец сварганить.

Я перестала разглядывать свинцовое небо и серые тучи за окном и уставилась на Андрея. Вот уже почти полгода я снимала у него комнату, которую делила с цыганкой Катей. Во второй спальне жили таджики, которые продавали на рынке смесители. Ну а в гостиной с балконом царствовал Андрей. Так как в стране был кризис и порядочным людям работы не осталось, жил он только на ренту с комнат и деньжата, которые ему регулярно подкидывала любящая мамуля.

– Ну во-первых, свою посуду я всегда мою, – резонно возразила я. – А во-вторых, зачем мне готовить еду, если я дома не ем? У нас в садике четырёхразовое питание, если ты забыл.

– Экая ты эгоистка, думаешь только о себе. Вообще-то ты не одна живешь, а с мужчиной!

Я чуть кофе не поперхнулась.

– Ты это себя, что ли, имеешь в виду?

– Да, себя! – обиженно засопел Андрей. – Пойми, ты девушка, будущая хозяйка. А женский долг – это создавать уют для мужчины, чтобы он чувствовал себя комфортно.

Я с изумлением уставилась на Андрея. Он серьезно? Сорокалетний безработный мужчина с пивным животом и сальными залысинами рассказывает мне про женский долг?

– Да с какой радости я тебе должна уют создавать? Я аренду плачу и за собой убираю. Чего ты ещё хочешь?

– Пойми, это твоя женская суть, – попытался вразумить меня Андрей.

– Да иди ты! – не выдержала я. – Вот когда у меня будет свой мужчина, тогда и поговорим о супах и уюте!

Господи, ну что за идиотская логика! Я залпом допила кофе и вновь поспешила с чашкой в ванную.

– Ну с таким отношением неудивительно, что ты без мужика, – не унимался Андрей, следуя за мной. – Другая бы на твоём месте меня давно в оборот взяла. Холостой, москвич, без детей, владелец трёхкомнатной квартиры – мечта любой девушки!

– Как хорошо, что на моём месте я, а не другая, – закрыв кран и отряхивая воду с чашки, я попыталась выйти из ванной, но столкнулась с Андреем. – Дай пройти!

В узком коридорчике тяжело было разминуться. С трудом протискиваясь на кухню, я слишком надолго задержалась возле «мечты любой девушки», и в нос ударил отчётливый запах немытого тела.

– Будь ты поумней, глядишь, через недельку-другую уже перебралась бы ко мне в большую комнату. Там балкон с видом на парк.

Не найдя больше сил слушать весь этот бред, я закинула чашку в сушилку, схватила сумку и, обуваясь на ходу, выскочила в подъезд.

– С тобой бесполезно разговаривать! – донеслось мне вслед.

Перепрыгивая через ступеньку, я слетела вниз и поспешила на свежий воздух.

Утро было прохладным. Весна в этом году затягивалась, а уже так хотелось тепла. Сонные прохожие с апатией и лёгкой ненавистью на лице торопились на работу. Дождавшись автобуса, я успела занять место у окна, дабы предаться философским размышлениям наедине с пыльным стеклом. Уже два года я живу в Москве. Мне скоро тридцать. Мужчины у меня нет. Детей нет. Своего жилья нет. Где я свернула не туда? Когда я оканчивала школу, то была твёрдо уверена, что в двадцать три выйду замуж, а к тридцатнику у меня будет чудесный загородный дом, трое очаровательных детишек и идеальный муж. Всё как в рекламе майонеза. Ах да! И ещё ретривер. Золотистый ретривер, который резвится на лужайке перед домом. А у меня из питомцев только плесень в раковине на кухне.

По стеклу робко забарабанили капли. Начинался дождь. Автобус тем временем подъехал к станции метро. Я поспешила к выходу. Так, надо быстренько добежать до навеса, не раскрывая зонтик. Таскаться по метро с мокрым зонтом – то ещё удовольствие. Я выскочила из автобуса и побежала через дорогу. Внезапно раздался пронзительный скрип тормозов. Я подпрыгнула от неожиданности и замерла. Из белого «Порше» выпрыгнула разъярённая блондинка.

– Ты чё! Вообще охренела? – завопила она. – Я всю резину из-за тебя прожгла! Ты хоть знаешь, сколько она стоит?

Разумеется, я не знала. Я в магазине продукты по акции покупаю. А тут «Порше»...

– Здесь переход, – попробовала объяснить я, но мой голос прозвучал тихо и больше напомнил овечьё блеянье.

– Тупая идиотка, – сделала вывод блондинка и, громко хлопнув дверью, села обратно в машину. Она гневно нажала на клаксон, требуя уступить дорогу. Дождь усилился. По лицу потекли струйки воды. Блондинка опустила боковое стекло и заорала:

– И хрен ли ты стоишь?! Свали с дороги, придурочная! Я тебе сейчас все кишки об асфальт разотру! И где вас только таких конченных берут?

Я наконец-то опомнилась и отошла в сторону. Закончить свой день на столе из нержавеющей стали я не планировала. «Порше» моментально сорвался с места и умчался, набирая скорость. Спустившись в метро, я бросила взгляд на отражение в зеркале. На меня смотрела женщина-панда. Дешёвая тушь расплылась изящными кругами вокруг глаз. Я достала салфетки из сумки и принялась оттирать косметику с лица. Это заняло немало времени. Тушь, которая плохо держалась на ресницах, в кожу въедалась просто намертво. Я взглянула на часы и поняла, что опаздываю, а слушать нотации от Марины Павловны, нашего воспитателя, совершенно не хотелось.

Заскочив в вагон, я плюхнулась на ближайшее свободное

место. Напротив меня сидела парочка подростков лет пятнадцати в одинаковых кедах. Девчушка трогательно прижималась к долговязому парню, а тот с нежностью перебирал ей пальчики на ладошке. Я невольно засмотрелась на них. Это было так искренне, так романтично.

– Расселись тут, – недовольно буркнула женщина лет сорока, пытаясь наступить парню на белые кеды. Тот вовремя успел убрать ногу. Оставшись морально неудовлетворённой, женщина нехотя проследовала дальше. Подростковая любовь вызывала у неё лишь раздражение.

В следующий автобус я едва втиснулась. Мне пришлось ехать зажатой между дверьми и обрюзгшим вонючим мужиком. Воду в Москве отключают только летом, но, видимо, мой спутник готовился к этому мероприятию заранее, обходясь без воды неделю-другую. От вони почти резало в глазах, и я считала секунды до обретения свободы. Поездка на работу в столице порой превращалась в увлекательный квест «Остаться в живых».

На работу я всё же опоздала. Марина Павловна говорила в коридоре с какой-то женщиной.

– У нас новенький, – обратилась ко мне воспитатель. – А это наша няня Венера.

– Венера? – переспросила женщина, пристально меня разглядывая. – Какое странное имя. Вы нерусская?

– Ну конечно, русская! – заверила Марина Павловна. – У нас весь персонал славяне с московской пропиской.

«Чего нельзя сказать о детях», – подумала я и повела переодевать новенького.

Наш садик был филиалом крупной сети и позиционировался как центр для одарённых детей. Конечно, если вы готовы каждый месяц отстёгивать нехилую сумму. Мы снимали большой трёхэтажный дом в частном посёлке. На первом этаже у нас была столовая и прачечная, на втором – две игровые, одна из которых легко трансформировалась в спальню благодаря четырёхъярусным кроватям. Они походили на гигантские комоды, где спальные места выдвигались словно ступеньки. На третьем этаже располагались спальня охранника и кабинет директора. Последний появлялся тут крайне редко, предпочитая ездить с другого конца Москвы лишь при крайней необходимости.

Правительство клятвенно обещало открыть метро ещё в прошлом году, на что учредители и делали ставку. А пока сюда ходили лишь дети из посёлка, всего одиннадцать человек. Одна на всех группа для детей в возрасте от двух с половиной до семи лет. Половина с трудом говорила в силу возраста, другая половина плохо говорила по-русски в силу национальности. Так как рядом был строительный рынок, большинство жителей были таджики, узбеки, дагестанцы и курды.

Трёхлетний Артур, совсем как взрослый мужик, первым делом продемонстрировал мне свою машинку и писюн. Переодев пацана и отправив его наверх к другим детям, я по-

спешила на кухню помогать поварихе накрывать столы к завтраку. Людочка крутилась у плиты. Это был единственный человек в садике, который любил детей.

– Привет, Люд!

– Доброе утро! – улыбаясь, ответила та. – Сколько вас?

Люда улыбалась всегда. Я не видела более жизнерадостного человека. Она искренне получала удовольствие от работы, от дождя за окном, да и от жизни в целом.

– Пока восемь, если опоздунов не будет. Новенького привели. Что у нас сегодня?

– Овсянка, сэр! – отрапортовала она. – Вернее, мэм!

Я быстро расставила тарелки по столикам. Сверху послышался топот на лестнице. Это Марина Павловна вела свой табун на завтрак.

– Рони, я кому сказала? Не толкай брата! Лиана, смотри под ноги!

В столовую ввалилась гурьба малышей.

– Рассаживаемся! – продолжала командовать воспитатель.

И хоть завтрак и полдник персоналу не был положен, Люда всегда находила возможность нас подкормить.

– Всё, Венера, – сообщила мне Марина Павловна, усаживаясь за барную стойку и подвигая к себе тарелку манной каши. – Будем называть тебя Верой. Видишь, родители шаркаются? Директор и так грозит нас закрыть. Где их обещанное метро? Одиннадцать детей – курам на смех. Хоть

по улицам ходи и за шкирку их сюда притаскивай. У меня в прошлой группе сорок один человек был. А здесь... – Марина махнула алюминиевой ложкой. – В общем, здесь у нас не жизнь, а сахар. Никаких тебе камер наблюдения. Ой, девочки, как я мучилась в своём WonderKid, вы бы знали!

– А что в камерах плохого? – недоумевала Людочка, заливая кипятком чайные пакетики. – Я вот не против.

– Ты-то, конечно, не против, – фыркнула Марина. – Тебе не за детей, а за кастрюли отвечать. С тебя спрашивать не будут. А мне мозг чайной ложечкой выедают.

– Мне бы тоже как-то неудобно было, – отозвалась я. – Большой Брат следит за тобой.

Никто не оценил мою отсылку к Оруэллу.

– Проблема не в родителях, – продолжила Марина. – Они работают, им некогда. А вот бабки! Они кого угодно с ума сведут. Нет бы сериалы турецкие смотреть, так нет, целый день за онлайн-трансляцией следят. То моему Петечке внимания мало уделили, то не так быстро подскочили ему сопельки вытереть. Такооой вынос мозга! Им бы камеры дома повесить. А то все такие умные, хотят быть в курсе педагогического процесса. А не думают, что дети как из садика в дом сплетни несут, так и обратно. У одного папа чужую тетю целует, у другого мама каждый месяц нового папу приводит. А Ева, внучка генерала, которого до одури все боятся, вчера рассказывала, как деда поел капусты и всю ночь пердел, будто артобстрел начался.

Вечером, вернув последнего ребенка в лоно семьи и попросившись с охранником, я отправилась на остановку. Обычно я возвращалась не раньше десяти. Интересно, когда вернётся моя соседка по комнате? Катерина поехала в Севастополь знакомиться с семьёй жениха ещё неделю назад. Да, она выходит замуж. Причём в четвёртый раз. От каждого из предыдущих браков у неё было по ребёнку. Кто-то магнитики на холодильник собирает, а кто-то – детей от разных мужиков.

Глядя на Катерину, невольно начинаешь верить в магические силы, присущие всем ромулам. Околопятидесятилетняя низенькая женщина необъятных размеров с жёсткими чёрными усиками и рыжим гнездом на голове вновь покорила чьё-то сердце. Любовь вспыхнула мгновенно.

Летом Катерина работала в парке продавцом сахарной ваты. В таком нежно-розовом вагончике с козырьком. И вот начался сезон, народу много, стояла она и без конца эту вату накручивала. Шутников, конечно, много. Вата летит на руки, на лицо, создавая эффект снега. Поэтому к подколам типа «вы как снежная королева» или «снегурочка» она привыкла. Но один мужчина сделал всех. «Девушка, вы похожи на куколку шелкопряда», – заявил ей он. И всё! Лукавый жопастенький Амур сделал своё грязное дело.

Надеюсь, у неё всё будет хорошо. Катерина мне нравилась. Должен же хоть четвёртый брак принести ей удовлетворение.

Пассажиров в автобусе было немного. Большинство устало дремали, некоторые уткнулись в телефоны. Рядом со мной ехал мужчина, который усердно пытался побить рекорд в игре «собери три красных шарика в ряд и получи морковь». Да уж, высокоинтеллектуальное занятие.

Мой взгляд наткнулся на табличку «Ключ от аппарели», приклеенную возле переднего выхода. В сотый раз пообещала себе: приду домой – загуглю. Что такое аппарель? Что-то среднее между аппаратом и акварелью? И зачем нужен ключ от неё в автобусе? Мне представлялась дверь в Нарнию, за которой таится миллион приключений, а открывается она только ключом от аппарели...

Мне очень хотелось домой в тепло. Укутаться в пушистый плед, взять чашечку горячего чая и вчерашнюю книжку, из-за которой я сегодня проспала. Больше я такой ошибки не допущу, ровно в двенадцать выключаю свет и спать.

Я вышла из автобуса. На улице было свежо. Дождь закончился, и лужи на асфальте таинственно поблескивали отражением фонарей. В водостоках тихонько журчала дождевая вода. Я вдохнула поглубже ночной воздух. Красота! Всё хорошо в Москве, кроме одного – на небе вы никогда не увидите звёзд. Я решила в этом убедиться в сотый раз и подняла голову. Ничего. Только тёмные облака неторопливо плыли куда-то. Мне так не хватало звёздного неба, когда смотришь вверх и понимаешь: ты ничтожная песчинка во Вселенной, а все твои проблемы – это муравьиная суета. Я знала, что ино-

гда можно видеть свет звезды, которая взорвалась ещё сотни лет назад. Это было невообразимо для меня. Звезды уже нет, но она нам ещё светит. Как так?

Словно ответом на мой вопрос раздался звук проезжавшей машины. И в ту же секунду я была с ног до головы облита водой из лужи. Да что ж за день сегодня такой?! По мне стекала грязная вода, а машина тотчас исчезла во дворах. Мне даже страшно было представить, насколько жалко я выгляжу. До дома оставалось недалеко. Буквально пару минут, и я смогу наконец-то привести себя в порядок и отдохнуть. Ну бывают иногда неудачные дни, что уж тут поделаешь?

Войдя домой, я поняла, что моим мечтам о тишине и покое этим вечером не суждено сбыться, потому что уже в коридоре я натолкнулась на пластиковый розовый чемодан поистине гигантских размеров.

Глава 2

Чемодан занимал полкоридора, и протиснуться между этим гигантом и вешалкой было делом нелёгким. Если сравнивать его с моим шкафом для одежды, то последний явно проигрывал по размерам. Катерина, что ли, вернулась? Никогда не замечала у неё любви к пороссячъему цвету. Второе, что поразило меня до глубины души – это Андрей. Он перестал ходить по дому в трусах и натянул треники. Выглядеть лучше он, конечно, не стал, но что заставило его изменить свои привычки? Я терялась в догадках. На кухне за столом, покрытым липкой драной клеёнкой, сидела она!

Какой-то непонятный сбой в матрице. Иначе как объяснить появление у нас в квартире длинноногой загорелой брюнетки? Новое приложение от Инстаграм – погружение в реальность в 3D? Я поняла, почему завис Андрей. Шикарные волосы, идеальная грудь, накачанная попа в коротких шортах. Девушка смотрелась здесь инородным предметом. Хотелось поставить лайк и пролистать дальше. Я пару раз моргнула, но картинка не исчезла. Тем более на кухне витал изумительный аромат ванили и кокоса. Вряд ли мои галлюцинации теперь снабжаются запахами. Это явно были духи нашей гостьи.

– Оксаночка, – заблеял Андрей. – А вот и твоя соседка.

– Привет! – улыбнулась девушка, обнажив ряд белоснеж-

ных виниров. – Я проживу с тобой пару недель. Андрюша был так добр и приютил меня.

– Привет, – растеряно пробормотала я.

Мне казалось, что Андрей сейчас лопнет от важности, а мне придётся отмывать стены от его внутренностей. Хотя какая разница, чем заляпаны потускневшие обои – жиром или кишками?

– Я племянница тёти Кати, – добавила Оксана. – Она пока готовится к свадьбе, а мне надо перекантоваться пару недель. Я только что вернулась из Италии. Андрюша, лапочка, я так устала с дороги. Отнеси, пожалуйста, мой чемодан в комнату, – промурлыкала она.

Андрей встрепенулся и резво поскакал в коридор.

Оксана оценивающе меня осмотрела и шёпотом спросила:

– И как ты с этим ебобо живёшь?

Андрей что-то кудахтал из моей комнаты.

– Ты идёшь? – спросила моя новая соседка и, пока я пыталась придумать ответ, отправилась в свою новую опочивальню. Едва за нами закрылась дверь, Оксана принялась раздеваться. Она даже не пыталась прикрыться. Глядя на неё, все мои комплексы поползли наружу. Груды у меня нет, жопы нет, ростом не вышла. Правда, достались волосы якобы модного нынче пшеничного цвета, но мы-то знаем, что это цвет мышинной жопки. Я моль, серая обыкновенная моль. И даже загар меня не берёт. Я сначала краснею, как варёный рак, а потом облажу, как удав обыкновенный. А на Оксану словно

была наложена парочка фильтров. Заметив мой ошарашенный вид, она улыбнулась.

– Силиконовые, на парься. Хочешь потрогать?

С этими словами она подошла ко мне, взяла мою руку и положила себе на грудь. Я даже не успела ничего возразить.

– Щупай. Не для себя делала, для других, – пошутила она. – Влетели мне в копеечку, конечно.

Силиконовую грудь живьем я видела впервые, а уж трогала и подавно. Как, впрочем, и любую другую женскую грудь. Ну не воспитывалась я в институте благородных девиц, где напичканные подростковыми гормонами девушки не прочь поэкспериментировать.

– Ничё такие, да? – кокетливо поинтересовалась она.

Сверху на ощупь грудь была обычной, а снизу, под кожей, ощущался словно какой-то целлофановый пакет. Не уверена, что мне когда-нибудь захотелось бы себе такую. Я обожаю спать на животе, и даже мой первый размер иногда мешает. Но смотрелась грудь, и правда, роскошно.

– Супер, – подтвердила я.

Оксана тем временем открыла чемодан, натянула первую попавшуюся футболку и, уперев руки в боки, стала по-хозяйски осматривать комнату.

– Блин, я даже вещи сюда вешать не буду, – сообщила она, критично оценивая внутренности шкафа. – Всё провоняет этим вонючим лаком.

Оксана плюхнулась на кровать. Та протяжно заскрипела.

– И давно ты в этой дыре живёшь?

– Полгода уже, – ответила я.

– А ты знаешь толк в извращениях, как я погляжу...

– Сама-то тут что забыла?

– Да бортанул меня мой итальяшка. Бабки есть, но это НЗ. Пока другого не найду, буду тут торчать. Это я себя так мотивирую. Но это ненадолго, гарантирую.

Оксана порылась в чемодане и достала оттуда красное стеклянное сердечко на прозрачной подставке и протянула его мне.

– На, это тебе. Из муранского стекла. Возил меня мой Лучиано в Венецию, заезжали в Мурано.

– Спасибо, конечно, но не стоит...

– Эй, расслабься, – одёрнула она меня и поставила сердечко на тумбу возле моего дивана. – Нам тут минимум две недели бок о бок торчать. Давай дружить по мере возможности.

В дверь кто-то начал шкрябаться.

– Да? – спросила Оксана, закатив глаза.

– Оксаночка, – раздалось из-за дверей, – я тут чайник вскипятил. Хочешь тебе чаю сделаю?

Ну ничего себе! Сам царь и владыка роскошных столичных апартаментов снизошёл до плебеев. А ещё утром требовал от меня горячих обедов.

– Андрюша, – нежно проворковала Оксана. – Я так устала, что, пожалуй, лягу спать.

– Ну ладно... – грустно пробубнил Андрей и, по-видимому, никуда не ушёл. Его сопение доносилось сквозь щели.

– Он там всю ночь будет стоять? – шёпотом спросила Оксана.

– Ты его весьма взволновала, – также шёпотом ответила я, пытаясь не рассмеяться.

– Две недели, две недели, – как мантру повторила она. – Больше я здесь не вынесу.

Я подошла к двери и резко распахнула её. Андрей подпрыгнул от неожиданности.

– Я... это... тут вот...

– Спокойной ночи, – отрезала я ледяным тоном.

Андрей пулей метнулся в свою комнату.

– Стопудово дрочить пошёл, – пришла к выводу Оксана. – Жуть как хочется курить. Ты не против? – не дожидаясь моего ответа, она распахнула окно. В комнату ворвался свежий воздух. Дождя почти не было, лишь шелест листвы доносился из тьмы.

Я не любила запах сигарет, но возразить не смогла.

– Да, конечно, кури. А потом у тебя какие планы?

– А потом я планирую переехать в Москоу Сити.

– Ого, там же нереально дорого снимать, наверное.

Оксана с наслаждением затянулась сигариллой и с прищуром на меня посмотрела.

– Я не хочу, чтоб мне снимали квартиру. Я хочу, чтоб мне её там купили.

Я не нашлась, что ответить.

– Это, конечно, не сразу, – продолжила она. – Но по-другому быть просто не может. У меня одна жизнь, и я не планирую провести её ущербно. Я люблю Москву. И совсем не понимаю москвичей. Ты посмотри на этого придурка! – она махнула в сторону двери. – Это же театр абсурда. Ладно, жили бы где-то в Зажопинске, но здесь! Как можно жить в таком большом городе и игнорировать всё вокруг? Не ходить в нормальные рестораны, закрывать глаза на дорогие машины, проходить мимо красивых домов? Словно всего этого не существует. И это жизнь?! Пашешь на отстойной работе за копейки, жрёшь паршивую еду, бухаешь по пятницам, копишь на взнос по ипотеке, трахаешься с теми, кто не умеет трахаться, и ждёшь, когда ты уже наконец сдохнешь? Нет уж. Это не про меня.

Оксана выкинула окурок в темноту и закрыла окно.

– Ну что, спать?

Я лежала на диване, мне не спалось. Старые пружины сегодня как-то отчётливей давили в спину. За окном снова лил дождь. Душ я приняла, смыл с себя грязь из лужи, а вот почитать не получилось. Но событий хватило и так. Перед глазами всё еще стояла грудь Оксаны. Вот я бы так не смогла: вложить свои сиськи в руки человеку, которого знаю пять минут.

У Оксаны под кроватью беззвучно загорелся мобильный.

– Вот придурок, – пробормотала соседка, посмотрев на

экран.

– Надоедливый поклонник? – поинтересовалась я.

– Я думала, ты спишь. Да кретин один, привёз меня из аэропорта. Теперь надеется, что я буду лобызать ему чресла. Пусть спасибо скажет, что я вообще в его «Хендай» села! Мужики после сорока в России – полная некондиция, а самомнение выше, чем Бурдж-Халифа.

– Бурдж-Халифа? – переспросила я.

– О мать! – хмыкнула Оксана. – Дубайская башня – самая высокая башня в мире. Почти километр в высоту. Там внизу шестизвёздочный отель, дизайном которого лично занимался Джорджио Армани.

– Шестизвёздочный отель? А такие бывают? – удивилась я.

– В Дубаях и не такое бывает. Там всё есть. Хочешь море? Хочешь горнолыжный склон? Французский ресторан? Шопинг? Дельфинов? Верблюдов? Вертолёт, яхту, самолет? Золотой унитаз? Там тебе предложат даже то, о чём ты вчера не знала и не думала, что тебе вообще это может понадобиться. Ты понимаешь, сколько там бабла? Они в пустыне горнолыжный курорт устроили! Снег в пустыне! А вы тут огурцы в «Копеечке» по акции покупаете...

– Ну тебе-то хорошо. Ты вон какая... – с лёгкой завистью возразила я.

– Какая? Ты думаешь, быть красивой легко? Подруг нет. Все бабы меня люто ненавидят. Мужики либо боятся, либо

пытаются завалить трофейную лялю. Меня мать родная из дома выгнала.

– В смысле?

– В прямом!

– За что? – искренне не понимала я.

– Так вот самое смешное, что ни за что. У нас сначала нормальная семья была. А потом... Помню, мне где-то пять лет. День ещё такой дождливый был и пасмурный. Мы с мамой возвращались домой. Я несла из садика поделку на картоне – косорылого ёжика из пластилина. Мне не терпелось показать его папе. У нас привычка была не запираť входную дверь, если кто-то дома есть. И вот я вырываю руку из маминой руки и бегу в нашу квартиру, открываю дверь, а там отец... Повешенный. Прямо в проходе. Босые ноги висят в воздухе, а на полу лужа. И едкий запах мочи в воздухе.

Я была ошарашена. Оксана замолчала. В таких случаях надо говорить какие-то слова поддержки, но у меня нужные слова почему-то не находились. Я вздохнула с облегчением, когда она продолжила.

– Ни мотивов, ни причин до сих пор никто не знает, да и смысла умирать вроде бы у него не было. Только теперь я постоянно боюсь открывать двери пустой квартиры. Мало ли что там... за ней...

– Мне жаль... – выдавила я из себя.

– Да ладно, уже столько воды утекло, – отмахнулась Оксана. – В общем, мама погоревала немного. А потом появился

Дима. Мой отчим. Нормальный мужик. Мы с ним вместе в лес ходили по грибы. На рыбалку меня с собой брал. Так что я и костры разводить умею, и мотыль собирать, и по мху на деревьях ориентироваться. Заблудишься в лесу – зови! Мы отлично проводили время. Я росла, а мать потихоньку начала превращаться в ревнивую истеричку. Её словно подменили. Дима повода никакого не давал, да и я тоже. Но моя фигура и внешность жутко маму бесили. Даже ужинать меня звала после того, как они поедят. Летом жара, а она заставляла меня дома в штанах ходить, представляешь? Шорты были под запретом. Один раз она вообще психанула и изрезала мои шмотки, те, которые у неё фейсконтроль не прошли. Топики, платя в обтяжку, короткие юбки – всё полетело в мусорку. И как только я закончила школу, меня спровадили подальше. С семнадцати лет живу одна.

– А чем ты сейчас занимаешься? – поинтересовалась я. Мне было жутко любопытно, не проститутка ли она. Но вот так напрямую спрашивать было как-то неловко.

– Скажем так, я оказываю эскорт-услуги, – отозвалась Оксана. – Сопровождаю мужчин на отдых за их счёт. Вот, например, с Лучиано мы познакомились по интернету. Он архитектор, живёт в Вероне.

– Ух ты! Как у Шекспира, – восхитилась я.

– Я тебе больше скажу, там даже памятник Джульетте есть. Можно загадать желание, если потереть её грудь. А над памятником балкон, якобы тот самый, под которым ей Ро-

мео стихи читал. Завтра фотки тебе покажу. Мы даже красный замочек в виде сердца купили, написали на нём: «Лучи и Оксана равно сердечко» и повесили на решётку. Там все влюблённые так делают.

– Так у вас всё серьёзно было? – удивилась я.

– С кем? – не поняла Оксана.

– Ну с Лучиано.

Оксана засмеялась.

– Ну если замочек для тебя доказательство любви, то нам не о чем с тобой говорить. Ему от меня нужен был секс, а мне от него – деньги. Это достаточно серьёзно? И почему все держатся за эту любовь, как засохшая гречка за стенки кастрюли? Мы вот отлично проводили время. А в Венецию я и правда влюбилась. Безумно красивый город.

– Говорят, там вода воняет, – вставила я свои пять копеек. За пределы Российской Федерации я не выезжала, и рассказать мне было нечего.

– Так говорит тот, кто там никогда не был. Город пахнет церковным миром* и нежнейшей выпечкой. А лёгкий запах сырой древесины лишь подчёркивает ощущение прикосновения к древности. Единственный минус – слишком много китайцев.

– Китайцы в Венеции? – удивилась я.

– О да, группы китайских туристов заполняют всё. Там улочки местами шириной в метр, а на тебя движется эта непобедимая терракотовая армия. Но если дождаться ночи,

можно увидеть совсем другой город. Пустые улицы, пустая площадь Сан-Марко, словно весь город принадлежит тебе. Луна и звёзды плавно качаются на волнах Гранд-канала, и кажется, можно услышать шёпот влюблённых, живших здесь сотни лет назад.

– Да ты и вправду влюбилась, – улыбнулась я. – А говоришь, что не веришь в любовь.

– Ну, может, только совсем чуть-чуть, – зевнула в ответ Оксана.

Глава 3

Утром я встала как обычно в 5:30. Оксана сопела в подушку, а я уныло поплелась на кухню ставить чайник. Хотелось спать и немножечко умереть.

Утро было хмурым, но без дождя. И на том спасибо, как говорится. Необъятные лужи на асфальте ничем не отличались от Венеции. Вот только вместо запаха свежей выпечки несло шаурмой из ближайшего ларька, а вместо церковных благовоний – помойкой. Это бомж, подъехавший к мусорным бакам на белом самокате, копошился в пакетах. Вот даже у клошара есть средство передвижения, а у меня только проездной на месяц. Разве это справедливо? Где моя гондола?

Маршрутка подъехала почти сразу. Проводив взглядом своего «принца на белом коне», я вновь наткнулась на табличку «Ключ от аппарели». Вот приеду в садик и сразу загуглю.

В вагон метро набилась уйма народа. Жуткий запах страданий с верхними нотками вчерашнего перегара разъедал всё живое. С трудом выбравшись из подземного ада, я столкнулась с дальнейшими трудностями. На остановке была куча людей, а транспорта не было.

– Извините, – обратилась я к курящему в сторонке мужчине, – а что, дорогу перекрыли?

– Так и не первый раз уже, – отозвался тот и сплюнул на асфальт. – Из-за этого пиздюка все теперь на работу должны опаздывать.

– Да тут школа спортивная рядом, – пояснила женщина в цветастом платье. – Туда сына какого-то депутата с кортежем возят. И пока он едет, дорогу перекрывают.

– Не для того мой дед в сорок пятом воевал... – продолжил курильщик.

Толпа загалдела. Каждый считал своим долгом высказаться по поводу происходящего. А я ещё раз убедилась, что общественное мнение – это мнение тех, кого не спрашивают.

В садике всё шло своим чередом. Я целый день занималась глажкой, изредка отвлекаясь на смену памперсов моих подопечных. Запах свежестыранного белья поднимал настроение и переносил меня на Альпийские луга. Казённого кондиционера я не жалела. Во мне предательски зарождалось желание вернуться в пододеяльник. Желание я подавила, но на пару мгновений всё-таки зарылась носом в наволочки. Какие же они свеженькие! Утюжок был современным и лёгким, поэтому физически глажка была несложным процессом, а вот внутренний голос, который змейкой проскальзывал в мозг, значительно усложнял работу.

– А что дальше?

Это был тот вопрос, который я обычно старалась себе не задавать. Напротив меня сидел мой двойник, который вопросительно смотрел на меня.

– Венера, ты и дальше хочешь гладить эти простыни?

– Опять ты! Давай не умничай мне тут.

– До пенсии будешь бегать с памперсами? Хотя какая пенсия? Ты даже официально не устроена.

– Замолчи, пожалуйста. Дай мне догладить бельё без самокопаний.

– А как же семья? У каждой женщины должна быть семья.

– Сдалась мне эта семья! Вон у Марины вечная история: то сходятся, то расходятся. Упаси господь от такого.

– А дети? Ты должна состояться как мать. Твои яйцеклетки уже дряхлеют. Часики-то тикают.

– Ничего уже там не тикает, я вытащила батарейки из своих биологических часов и вставила их в вибратор.

– Твой сарказм – всего лишь маска. Мы оба это знаем. Ты хочешь, чтобы тебя любили.

– Я хочу, чтобы ты заткнулся.

– Ты ведь никому не нужна. Личной жизни нет, друзей нет, карьеры нет. В детской психологии разбираешься, как восьмидесятилетняя бабка в криптовалюте. Ты неудачница.

Я с силой встряхнула простынь. Голос любил давить на больное. Ему доставляло особое садистское удовольствие расковыривать все мои раны. Иногда я могла держать его под контролем, но бывали моменты, когда он брал бразды правления в свои руки.

– Ты никчёмьш, – продолжил голос. – Мать тебя ненавидит, брат презирает, любимый мужчина от тебя отказался...

– Венера, – раздался голос охранника. – Иди, я продукты привез.

Я с облегчением выключила утюг и побежала в столовую. После ужина я переодевала новенького.

– Мама, а воспитательница сегодня сказала очень нехорошее слово, – заявил Артур.

Марина Павловна побледнела, а мама Артура заметно напрыглась.

– Да? И что же она сказала?

И я, и Марина стали судорожно прокручивать в мыслях весь сегодняшний день. Где же мы успели накосячить?

– Я не могу такое повторять. Это очень плохо слово.

– Но маме ведь ты можешь сказать? Обещаю, что не буду ругать.

– Точно не будешь? – переспросил Артур.

– Тебя – нет, – ответила она таким тоном, что мы поняли, кто именно сейчас отхватит знатных люлей.

– Я на ушко скажу.

Мама наклонилась, малой ей что-то шепнул. Лицо мамы стало пунцовым.

– Что, прямо так и сказала?

– Ага, – кивнул Артур.

– Так, подождите, – затараторила Марина. – Мальчик что-то придумывает.

– Вы хотите сказать, что мой сын врёт? – пошла в контратаку мамаша. – Да я вам такую рекламу устрою! Персонал

нерусский, педагоги матерятся!

Я понимала, что ситуация выходит из-под контроля.

– Артур, какое слово сказала Марина Павловна?

– Не заставляйте моего сына повторять за вами гадости!

– Ты сказала «сука», – радостно сообщил Артур, глядя на Марину. Получив индульгенцию от матери, малой решил пользоваться ею по полной.

– Это, по-вашему, нормально? Я сделаю так, чтоб вас уволили и нигде, даже в самом захудалом уголке Российской Федерации не приняли на работу даже поломойкой. Вас нельзя подпускать к детям!

– Артур, а когда Марина Павловна это сказала? – пыталась я всё-таки разобраться.

– В столовой за ужином.

– Артур, я вот тоже была с вами за ужином и не помню, чтоб Марина Павловна такое говорила. В какой именно момент она это сказала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.